

Шагал м. 3.

"Неделя" № 25 (1369). 1986 г.

Неделя

№ 25 (1369). 1986 г.

Не так давно, выступая в нью-йоркском зале «Карнеги-Холл», я читал свое стихотворение «Васильки Шагала». После выступления мне передали письмо, написанное мелким почерком. Под ним стояла подпись: «Белла Шагал».

По-студенчески просто одетая, она рассказывает мне о последних минутах деда. Он умер в своем доме, среди зелени Поль де Ванса. Марк Захарович находился в кресле-каталке и опочил, когда его подымали в лифте на второй этаж. Умер со слабой улыбкой на тонких губах — умер, взвиваясь в небо, летя.

На его картинах парят горизонтальные скрипачи, ремесленники, влюбленные. Он к ним присоединился.

Небо, полет — главное состояние кисти Шагала. Вряд ли кто из художников так в буквальном смысле был поэтом, как этот сын витебского селедочника. Безумные василькового цвета избы, красные петухи, зеленые свиньи, загадочные саркастические козы — все увидено взглядом поэта. Не случайно его любил Аполлинер. В доме у Арагона я видел его автографы на титульных листах монографий с виньетками и фломастерскими рисунками, обрамленные и повешенные на стену.

Я познакомился с Марком Захаровичем Шагалом в феврале 1962 года, о чем напоминает дата под первым его подаренным рисунком. Голубая дева в обнимку с янсенком летит над Эйфелевой башней. После этого мы много встречались, если учитывать дистанцию между Москвой и Парижем, и в его квартирке над Сеной, и в доме его дочери Иды, которая была ангелом его вернисажей, а позднее на юге — где его муза и супруга Вава — Валентина Георгиевна — вносила олимпийскую гармонию в суетный быт двадцатого века.

В каждый приезд во Францию я посещал голубого патриарха мировой живописи. Он часто вспоминал Маяковского, напоминал надпись поэта ему на книге, где Шагал, конечно, рифмовалось с глаголом «шагал». Странно было знать, что этот тихий, застенчивейший, деликатный человек с белыми кисточками бровей, та-

ращающий в шутовском ужасе глаза, если кто-либо говорил о его славе, был когда-то решительным комиссаром революционного искусства в Витебске.

Шагал весь светился, казался нематериальным и будто все извинялся за свою небесность.

Был он бескорыстен. Однажды он пригласил меня поехать с ним в Цюрих, на открытие его синих витражей в соборе. Опять он делал их бесплатно, как дар городу, как дар синего неба из окна. Он и в этом был поэтом.

Он иллюстрировал гоголевскую поэму «Мертвые души» — какая поэтическая Россия в этих гравюрах! Поэзию он видел в «некрасивой» для обывателя жизни, поэтизируя быт, открывая новую красоту; предметы, оттертые от пыли его взглядом, сверкали, как бриллианты.

До конца своих дней он работал каждое утро. Огромные холсты, записываемые его легкими тонами, являли собой жизнь и, может быть, продляли этим его срок на земле.

По-детски он счастливо сиял, демонстрируя вам ордена, бриллиантовые звезды и муаровые ленты, дарованные ему королями и президентами.

Какой радостью для него было разглядывать фотографии его родной улочки, присланные ему, хотя дом его, увы, и не сохранился.

Он был мужественным, этот тихий удивленный человек. Однажды мне довелось стать свидетелем тому. Летом 1973 года я был с выступлениями в Париже. В это время Шагал, приняв приглашение Министерства культуры, собирался приехать к нам. Это был первый его визит после отъезда в двадцатые годы, и, увы, как оказалось теперь, единственный. Он расспрашивал — какая она нынче, Москва? Есть ли на улицах автомобили? Он помнил Москву разрухи двадцатых годов. Полет был назначен на понедельник. Тогда был рейс Аэрофлота.

Увы, в субботу стряслось страшное. На глазах тысяч парижан во время демонстрации на Парижской авиавыставке в Орли красавец «Ту» потерпел в небе аварию и разбился. Погибли наши испытатели. Накануне я разговаривал с ними. Занятый момент катастрофы показывали по несколько раз на телеэкране в замедленном дубле. Мы с ужасом вновь и вновь проглядывали эти кадры.

В стихах «Васильки Шагала» я так записал это:

С вами в душераздирающем дубле видели мы — как за всех и при всех срезался о неба парижского «Туполев».

В небе осталось шесть человек. Шагала отговаривали лететь на «Ту».

РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ЛИФТ В НЕБО

Советовали или отменить полет, или лететь на «Эр Франс». Шагал полетел в понедельник.

Я прилетел в Москву несколько дней спустя после приезда Шагала. Он поехал с Вавой и Надей Леже.

В Большом театре мы смотрели с ним балет Родиона Щедрина «Кармен» с чудом Плисецкой в главной роли, с прекрасными декорациями Бориса Мессерера, яркого представителя славной театральной династии. В фойе, идя к выходу, Вава потеряла в толпе тяжелую брошь. Попыталась вернуться за ней, но волна идущих людей празднично шла навстречу. Вава только махнула рукой. Так теряют что-то в море «на счастье».

Приехав к нам на дачу в Переделкино, Шагал остановился на середине дорожки, простер руки и остолбенел. «Это самый красивый пейзаж, какой я видел в мире!» — воскликнул он. Что за пейзаж узрел мэтр? Это был старый забор, бурелом, ель и заглохшая крапива. Но сколько поэтичности души было в этом клочке пейзажа, сколько тревоги и тайны! Он открыл ее нам. Он был поэтом. Не случайно он любил Врубеля и Левитана.

Сейчас Третьяковка перестраивается, расширяется. Вокруг будет заповедная пешеходная зона. В свое время мне пришлось писать, что здание прогнило, нуждается в ремонте. Сейчас Москва, разрубив гордиев узел волокиты, решительно взялась за спасение галереи, отечественной святыни. Строителям дано только четыре года. Склонившись вместе с архитекторами над планом будущей галереи, Ю. Королев, директор Третьяковки, сам после автокатастрофы носящий на ноге 12 кг гипса, показывал мне на плане будущий зал, специально спроектированный

Voznecssenski Skrymtymnym

для Врубеля, где впервые сможет экспонироваться семнадцатиметровая «Принцесса Греза», около столетия томящаяся в рулоне. Ее со времени нижегородской ярмарки ни разу не разворачивали. Где только она не скиталась!

Далее, следуя по анфиладам чертежа, палец Королева уперся в стену:

— А здесь будет Шагал...

Шагал сделал иллюстрации к моему стихотворению «Живое озеро», посвященному гетто, расстрелянному фашистами в Закарпатье и затопленному водой. Издательство «Галлимар» поместило этот рисунок на обложку моей книги. На рисунке возле озера сидит мать с ребенком. Волшебная крылатая рыба летит к младенцу, чтобы спасти. Как скорбно он использовал цвет в этой работе-реквиеме! Лишь мазок васильково-синего да желтый овал за летящим абрисом девы-рыбы... Он был гневным и печальным поэтом.

В ноябре прошлого года, после того, как я прочитал это стихотворение в университете Ричмонда, США, ко мне подошла профессор университета Ульяна Габбарра. Оказывается, она ребенком была в этом страшном озере и чудом уцелела. Может быть, именно ее и изобразил художник?

Через год — столетие со дня рождения художника.

Если сердце не солгало, то в каком-нибудь году в Витебске в Музей Шагала обязательно зайду.

Значение живописцев отнюдь не только музейное, историческое. Художник дает свежий взгляд на вещи. Он развивает интуицию, открытие озарений и в других

сферах. Зря разве наши ученые устраивают у себя выставки П. Филонова и других художников? Зря разве В. Бедуля, земляк Шагала, ломающий бюрократизм и рутину, хочет, чтобы его колхозники в клубе внимали сложной игре С. Рихтера и хоральной ноте Б. Ахмадулиной? Именно у него в гостях мне подали из зала записку, спрашивающую о творчестве Элиота. Это случилось семь лет назад, когда у нас еще книги этого поэта не издавались. Вряд ли это говорит о том, что наши колхозники поголовные эстеты, — просто, вероятно, непохожий художник помогает им в их практике мыслить и поступать нестандартно.

В конце мая в Сицилии состоялась встреча наших, американских и итальянских писателей под девизом «Традиции и ответственность писателя в сегодняшнем мире». На ней дважды выступал патриарх нашей литературной, а стало быть, и общественной мысли, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, который в своей жизни спасал многое — глубинное понимание летописей, и красоту Сухаревой башни, и судьбу наших северных рек, и нравственную чистоту сознания. И в этот раз он покорила аудиторию. В первом своем выступлении он обратился к святыням вековой культуры. Второе он назвал: «В защиту авангарда». Назвав Аввакума первым авангардистом, он говорил о традициях обновления. Он посвятил свою речь мастерам зари двадцатого века нашего отечественного искусства — Филонову, Гончаровой, Лентулову, глубоко проанализировав творчество Шагала, особенно его витебский период.

«Дмитрий Сергеевич, что бы вы посоветовали прочитать мне на моем поэтическом вечере, ведь он как бы заключает встречу?» — спросил я. Он посоветовал прочитать «Васильки Шагала».

Мне довелось перевести стихи Микеланджело. Это выпуклые, скульптурные строфы. Стихи Пикассо — аналитично-ребусные. Стихи Шагала — это та же графика его, где летают витебские жители и голубые козы. Они скромны и реалистичны по технике.

Насколько знаю, стихи свои он издавал дважды в 1968 году тиражом 238 экземпляров. В издании было 23 цветных и 15 черно-белых автолитографий. В 1975 году эта композиция переиздается в расширенном виде и сопровождается изысканным предисловием Филиппа Жакота. Он подарил мне в Поль де Вансе в 1980 году подарочную книгу своих стихов, перемежаемых живописью и графикой. «Для поэта-друга» — написал он на ней и нарисовал музу, выпускающую сердце, как птицу из ладони. Стихи, предлагаемые читателю в этой публикации, окружены живописными образами.

Например, одно из стихотворений сопровождается синей картиной «Одиночество» 1933 года, где грустит мыслитель между ангелом-быком и скрипкой. Под ней изумрудные фигуры витебских сограждан 1927 года. И, наконец, графический набросок Небесной арки.

Полностью эти мои переложения шагаловских стихов будут опубликованы в этом году в № 2 сборника «За годом год», выпускаемого издательством «Советский писатель».

И драгоценную по цвету живопись, и ностальгические стихи, и воздушную графику объединяет одно — Поэзия Шагала.

Марк ШАГАЛ

КАРТИНА

Моя кровать — картина. Я ложусь И засыпаю, погруженный в краски. Но ты, любовь, заснувши мне не даешь! Ты вечно будишь, словно солнце ночью.

Меня тоска земная пробуждает, Надежды пробуждают, тормоша, Толкают в бок, не ставшие мазками И даже не натянуты на холст. Я убегаю ввысь, где без меня Страдают мои высохшие кисти. Как Иисус. Распят я на мольберте. Неужто я окончен? Неужели Окончена моя картина? Жизнь Сверкает, продолжается, бежит.

БЕЛЫЕ СТУПЕНЬКИ

Брожу по миру, как в глухом лесу, То на ногах пройду, то на руках, И жухлый лист с небес летит на землю.

Мне жутко. Рисую мир в оцепенении сна. Когда мой лес завалит снегопадом, Картины превратятся в привиденья. Но столько лет я среди них стою! Я жизнь провел в предощущении чуда. Я жду — когда ж меня ты обовьешь, Чтоб снег, как будто лесенка, спустился.

Стойте мне надоело — полетим С тобою в небо по ступенькам белым!

348